

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию М.В. Ковалева «Российская научная эмиграция в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций 1920 – 1970-х годов», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история

Интерес к истории российской эмиграции первой волны, так называемой послереволюционной, стремительно растет начиная со второй половины 1980-х гг. Проблема изучения данного феномена остается актуальной в силу ряда факторов.

Так, рост интереса к феномену российской эмиграции первой волны закономерен уже потому, что колоссально ее творческое наследие. Оно включает в себя и художественные произведения, и труды историков, философов, а также представителей естественнонаучных областей.

Характер эмигрантской проблематики сложный, многоаспектный. Она привлекает к себе внимание не только собственно историков, но также литературоведов, искусствоведов, философов, политологов. На рубеже XX–XXI вв. в отечественной и зарубежной науке сформировался обширный массив исследований, связанных с различными аспектами истории российской эмиграции первой волны.

Традиционно исследователи уделяли основное внимания, так сказать, внутренней жизни Русского Зарубежья. Гораздо меньше интересовали проблемы, соотносимые с факторами внешними. Среди малоизученных – роль и место российской эмиграции в системе интернациональных научных связей.

Разумеется, уже есть публикации о работах ученых-эмигрантов, которые получили признание и за границей, стали, можно сказать, первостепенной важности действующими лицами французской, британской, американской науки. Но по-прежнему нет комплексных и обобщающих исследований по заявленной теме. Вот почему особенно важна диссертация М.В. Ковалева, в значительной мере восполняющая такой пробел.

Рецензируемая диссертация – своего рода итог многолетних исследований в области истории российской научной эмиграции и истории международных научных связей. О широком признании их результатов научным сообществом свидетельствуют положительные рецензии на публикации Ковалева в таких авторитетных славистических изданиях как, например, «The Russian Review», «The Slavic Review», «Cahiers du Monde Russe», «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas».

Исследовательский нарратив фокусируется на Чехословакии. Эта страна в 1920-е годы стала одним из признанных интеллектуальных центров Русского Зарубежья.

Однако автор диссертационного исследования не ограничивает нарратив географически. Напротив, оно, что называется, вбирает в себя пространство славянского мира: России Советской и России Зарубежной, Европы и Нового Света. Таким образом, рецензируемая диссертация – пример весьма продуктивного рассмотрения феномена российской научной эмиграции через мультикультурную оптику.

Бесспорно новаторски выбраны хронологические рамки исследования. Они вполне соответствуют основной цели, поставленной автором, и решаемым для ее достижения задачам.

Нижняя хронологическая рамка – 1918 г. Она соотносится с началом активной фазы Гражданской войны в России и провозглашением Чехословацкой республики. Как раз тогда и начинается ставший затем массовым переезд в страну русских ученых.

Активизировался он в 1921 г. Это начало так называемой Русской акции, т.е. официальной программы чехословацкого правительства, цель которой – помощь российским эмигрантам.

Обычно исследования по истории первой волны российской эмиграции ограничены периодом от 1920-х гг. и до начала военных событий, буквально перекроивших условную карту Зарубежной России, кардинально изменивших прежние идеологические и политические установки, привычные роли и статусы.

Но автор рецензируемой диссертации ставит задачу гораздо более масштабную. Потому для него Вторая мировая война – лишь один из хронологических рубежей. Далее рассмотрены судьбы русских ученых уже в социалистической Чехословакии.

Рассмотренный период стал почти что полувековым. От начала переезда русских ученых в новообразовавшуюся европейскую страну – до рубежа 1960-1970-х гг., когда уже не осталось в Чехословацкой социалистической республике ученых, эмигрировавших из Советской России. Такого масштаба исследование предпринято в историографии впервые.

Бесспорно репрезентативна источниковая база исследования. Причем без преувеличения можно сказать, что она и уникальна.

Автор рецензируемой диссертации давно известен в научном сообществе еще и как высококвалифицированный архивист. Результаты его многолетних разысканий в российских и зарубежных архивах стали основой нового масштабного исследования.

География исследования широка. Не только Прага, Брно и Братислава, но также Белград, София, Будапешт, Париж, Лондон и т. д.

Столь основательный подход позволил автору диссертации реконструировать широкую сеть интеллектуальных контактов русских ученых-эмигрантов. Более того – детально анализировать их личные и деловые отношения с коллегами из разных стран.

Уместно отметить, что значительная часть архивных материалов впервые вводится в научный оборот именно автором рецензируемого диссертационного исследования. Так, прежде не проводилась комплексная работа с личными делами русских ученых, сохранившимися в архивах чешских и словацких высших школ: Карлова университета и Чешского высшего технического училища в Праге, Масарикова университета и Менделова университета в Брно, Университета Я.А. Коменского в Братиславе.

Стоит вновь подчеркнуть: автор рецензируемой диссертации уже опубликовал результаты многих своих разысканий в иностранных архивах.

Например, весьма ценные мемуары правоведа Д.Д. Гримма, труды историка А.В. Флоровского и т. д.

Уникальность источниковой базы исследования обусловлена не только привлечением масштабного комплекса архивных материалов. Автору удалось в новых аспектах и весьма эффективно использовать уже опубликованные источники, остававшиеся, как правило, вне сферы внимания других исследователей.

Обычно исследователи российской эмиграции рассматривают эмигрантские периодические издания. Например, парижские «Последние новости», берлинский «Руль», пражские «Огни», рижское «Сегодня» и т. д. В рецензируемой же диссертации рассмотрены еще и материалы чехословацких венгерских, югославских, румынских, австрийских газет, издававшихся, соответственно, на государственных языках.

Не менее важная группа источников – мемуары иностранных ученых. К примеру, чешского и словенского лингвиста М. Мурко, чешского ботаника Б. Немеца, где отражен их опыт взаимодействия с российскими коллегами-эмигрантами.

Репрезентативна также историография комплекса проблем, анализируемых в диссертации. Так, уже в разделе «Введение» дан широкий и достаточно подробный обзор зарубежных и отечественных публикаций – от собственно 1920-х гг. и до наших дней. В отечественном эмигрантоведении есть немного примеров обращения к работам чешских, словацких, болгарских, сербских, венгерских, французских, немецких, американских авторов.

Детальное знание чешской и словацкой историографии заявленной темы – свидетельство не только уважения к достижениям предшественников и современных коллег. Очевидно стремление автора рецензируемой диссертации глубоко проникнуть в культурный мир изучаемого им региона.

Благодаря детальному освоению историографии заявленной темы и репрезентативности источниковой базы автор диссертационного исследования сумел по-новому рассмотреть ряд проблем, требующих переосмысления и

уточнения. Этим обусловлена возможность полемики с другими исследователями, в ходе которой опровергаются некоторые устоявшиеся концепции.

Следует также отметить умело подобранную исследовательскую оптику. Методологически диссертация вбирает в себя достижения социальной истории и антропологии науки, а также интеллектуальной и транснациональной истории.

Рецензируемая диссертация состоит из Введения, пяти глав, разбитых на параграфы, Заключения, Списка источников и литературы. Такой состав вполне соответствует поставленным целям и решаемым для их достижения задачам.

В первой главе раскрыты обстоятельства превращения Чехословакии в интеллектуальный центр российской послереволюционной эмиграции. Исследования проводятся с учетом эволюций политического контекста.

Автором рецензируемой диссертации показано, что формирование эмигрантской научной и образовательной инфраструктуры шло на фоне трансформационных и модернизационных процессов в самой Чехословакии. В частности, речь идет о создании новых высших школ – Масарикова университета и Высшей сельскохозяйственной школы в Брно, Университета Я.А. Коменского в Братиславе, открытии профильных научно-исследовательских университетов, таких, как Славянский институт или Государственный гидрологический институт.

Таким образом, творческая активность русской эмиграции в полной мере вписана в культурный и интеллектуальный контекст межвоенной Чехословакии. Впервые в историографии показаны пути взаимодействия русских ученых с чехословацкими высшими учебными заведениями.

При этом на основе архивных документов автор диссертационного исследования убедительно опроверг две устоявшиеся концепции, своего рода историографические мифы. Из них первый, укорененный в современной российской историографии, связан с представлениями о, можно сказать, основополагающем научно-педагогическом вкладе русских ученых в чехословацкую высшую школу 1920–1930-х гг. Второй, созданный уже в

эмигрантской среде, соотносится с представлениями о дискриминации эмигрантов чешскими и словацкими коллегами, якобы опасавшимися конкуренции.

Автор рецензируемого диссертационного исследования доказал, что успешность интеграции конкретного индивида в образовательное пространство зависело прежде всего от востребованности его исследований в чехословацкой научной среде, личной готовности к переменам и наличия вакансий. Были и другие немаловажные факторы. К примеру, гражданство страны пребывания, от получения которого отказывались многие представители старшего поколения эмиграции.

Вполне убедительно автор диссертационного исследования доказал, что эмигрантская молодежь гораздо успешнее интегрировалась в новое научное сообщество, нежели большинство представителей старшего поколения. Характерный пример – геолог Д.Н. Андрусов, прошедший путь от студента Карлова университета до академика, основателя словацкой геологии.

Это отнюдь не единственный пример успешной интеграции. Кстати, автор рецензируемой диссертации в первой главе новаторски сопоставляет опыт гуманитариев и представителей естественных и технических наук.

Вторая глава посвящена анализу опыта взаимодействий ученых-эмигрантов со славянским миром в целом. Этот вектор был неразрывно связан с предшествующей российской культурной традицией.

Автор рецензируемой диссертации характеризует роль славянских ученых и деятелей культуры в поддержке российских коллег. Причем речь идет не только о чехах и словаках. Не обойдены вниманием, например, сербский лингвист А. Белич и болгарский археолог В. Златарский.

По мнению автора рецензируемой диссертации, значимость общеславянского контекста коммуникаций русской эмиграции обусловлена еще и внутренними процессами межвоенного периода в Чехословакии, Польше, Болгарии и Югославии. Этот тезис вполне убедительно обоснован.

Отмечено также стремление чехословацкого правительства обеспечить стране особую интеллектуальную роль в славянском мире, что соотносилось с так называемой Кирилло-Мефодиевской традицией. Соответственно, Прага была местом проведения многочисленных международных научных конференций и конгрессов в 1920–1930-е гг., там рождались интернациональные интеллектуальные проекты, каким был, например, Пражский лингвистический кружок.

Автор рецензируемой диссертации подчеркивает, что славянская тема в творчестве русских ученых-эмигрантов была, с одной стороны, данью устоявшейся традиции, а с другой стороны, оказалась и способом интеграции в новую среду. Как характерный пример рассмотрена научная деятельность Флоровского, который до начала советского периода занимался отечественной историей XVIII в., а в Праге исследовал российско-чешские отношения.

Весьма продуктивны наблюдения автора рецензируемой диссертации над противоречиями интеллектуального характера в научном сообществе. Так, отмечено, что эмигрантам приходилось учитывать своего рода конкуренцию нарративов. Например, постоянно выбирать, как реагировать на различные конфликты и полемику о них. К примеру, соотносить свою позицию с бывшим сербско-болгарским противостоянием по так называемому Македонскому вопросу, аналогично – теорией славянского единства и узко-националистическими концепциями.

Примечательно, что в рецензируемой диссертации славянская тематика не ограничивается характеристиками гуманитарных проектов. Автор учитывает территориально-географическую приуроченности ряда направлений естественнонаучных исследований. В этом контексте рассмотрены публикации русских ученых в области ботаники, метеорологии, геологии Чехословакии.

Третья глава посвящена анализу институциональных структур и коммуникативных практик российской эмиграции. В качестве примеров рассматривается деятельность трех организаций: Русского института, Русского

заграничного исторического архива и Экономического кабинета С.Н. Прокоповича.

Установлено, что Русский институт был задуман как интеллектуальный проект российско-чехословацкого сближения. Но, как показывает автор рецензируемой диссертации, прежние задачи корректировались из-за факторов объективных и субъективных, затем организация ограничилась сугубо эмигрантской сферой и прекратила свое существование в 1938 г.

Зато Русский заграничный исторический архив оказался, как демонстрирует автор рецензируемой диссертации, вполне успешным российско-чехословацким проектом. Особое внимание уделено деятельности чешского историка Я. Славика. Возглавив организацию, он едва ли не первым в Европе начал именно академическое изучение российских военно-политических событий 1917–1921 гг. на основе имеющейся и постоянно пополняемой источниковой базы.

Весьма интересно в рецензируемой диссертации описание сети международных контактов Русского заграничного исторического архива. Благодаря ей он комплектовался поистине уникальными материалами, связанными главным образом с историей российского освободительного движения в XIX в.

Показано, что Экономический кабинет С.Н. Прокоповича не планировался изначально как российско-чехословацкий проект, аналогично и международный, но вскоре он привлек внимание европейского научного сообщества. Особенно интересна история взаимодействия с Бирмингемским университетом, при котором было создано Бюро по изучению Советской России, причем инициировал создание этой организации С.А. Коновалов.

Биография его, к сожалению, осталась вне рецензируемой диссертации. Между тем автор ее ранее опубликовал соответствующее исследование.

Четвертая глава посвящена анализу деятельности Института имени Н.П. Кондакова. Это, как показывает автор рецензируемой диссертации, одна из эмигрантских организаций, добившихся широкой международной известности.

Приведены многочисленные примеры контактов с учеными Германии, Франции, Великобритании, Болгарии, Румынии, США и других стран.

Особое внимание уделено характеристике связей сотрудников Института имени Н.П. Кондакова с венгерскими коллегами. При этом демонстрируется, что ученых сблизило схожее чувство исторической травмы, вызванное крушением Российской и Австро-Венгерской империй: в прошлом историки пытались найти, можно сказать, лекарство от болезней настоящего.

Весьма интересен анализ связей сотрудников Института имени Н.П. Кондакова с коллегами из Советской России. Традиционно в историографии на них смотрели сквозь призму так называемого жебелёвского дела, т.е. гонений, которым подвергся выдающийся ленинградский историк и филолог С.А. Жебелёв, напечатавший статью в пражском сборнике.

Также рассмотрены автором рецензируемой диссертации связи с Саратовским университетом. Он в 1920–1930-е годы был значимым центром археологических и этнографических исследований.

Бесспорно важен в четвертой главе анализ обсуждений в эмигрантских и иностранных кругах положения советской науки и репрессий против ученых. На основе тщательного анализа переписки, рассыпанной по разным европейским архивам, автор рецензируемой диссертации реконструирует сети контактов и пути обмена информацией.

Пятая глава посвящена судьбам русских ученых-эмигрантов в социалистической Чехословакии. Автор рецензируемой диссертации убедительно опровергает давно сложившееся представление о том, что после Второй мировой войны многие русские ученые покинули Чехословакию, а те, кто не уехал, оказались в советских лагерях. Доказано: не так уж мало специалистов продолжало свою работу в чехословацких научных и образовательных учреждениях.

Однако все эмигранты, как демонстрируется в рецензируемой диссертации, были вынуждены приспособливаться к новым общественно-политическими контекстам. Пути же выбирали различные.

Так, уехавший за границу на одном из «философских пароходов» Флоровский оставался профессором досоветской выучки. В социалистической Чехословакии он не принял навязанную извне методологию, но и не протестовал. Стал гражданином СССР, при этом жил и работал по-прежнему в Праге, налаживая личные и деловые связи с историками и литературоведами покинутого им отечества.

Биолог же Б.С. Костомаров до эмиграции воевал в рядах Белой армии, почему и был вынужден покинуть родину. Однако после Второй мировой войны вступил в Коммунистическую партию Чехословакии, его научная карьера оказалась связана с партийной.

Костомарова автор рецензируемой диссертации характеризует как «молчаливого соучастника» так называемой советизации чехословацких научных и образовательных учреждений. Однако при этом отмечены его заслуги в области пропаганды русской и советской науки.

Стоит отметить, что рецензируемая диссертация не лишена недостатков. Впрочем, они незначительны.

1. Практически ничего не сказано о контактах чехословацкого сообщества русских ученых-эмигрантов с польскими коллегами. Между тем сведения такого рода существенно дополнили бы исследование,

2. Было бы уместно больше внимания уделить истории Пражского лингвистического кружка и деятельности Р.О. Якобсона. Аналогично – его несколько менее знаменитого коллеги П.Г. Богатырева, кстати, одного из переводчиков хрестоматийно известного романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

3. Стоило бы дополнить исследование сведениями о влиянии на чехословацкое научное сообщество транслировавшихся русскими учеными-эмигрантами представлений о советской литературе и литературоведении 1920–1930-х гг.

Высказанные замечания не умаляют научной ценности представленного исследования. Оно в полной мере самостоятельное, оригинальное, новаторское и несомненно будет востребовано в отечественной и зарубежной историографии.

Таким образом, диссертационное исследование «Российская научная эмиграция в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций 1920–1970-х годов» в полной мере отвечает требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., а его автор, Ковалев Михаил Владимирович, заслуживает присвоения степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история.

Официальный оппонент
д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
литературной критики
ФГАОУ ВО
«Российский государственный
гуманитарный университет»

Фельдман Давид Маркович

25.11.2024

Контактные данные:

125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», кафедра литературной критики

тел.: +7-499-973-4069, e-mail: dmfeld@inbox.ru

С основными работами Д.М. Фельдмана можно ознакомиться на сайте научной электронной библиотеки E-Library, SPIN-код автора: 2290-1355, AuthorID: 71484

Людмила Д.М. Шкаренков
уверенно

ПРОРЕКТОР
ПО УЧЕБНОЙ РАБОТЕ

П. П. ШКАРЕНКОВ

25.11.2024